

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ

А. Н. Гордей

К УТОЧНЕНИЮ ДИХОТОМИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Любая наука развивается от сбора сведений об объекте исследования к построению его модели. Зрелые науки оперируют более совершенными моделями объекта исследования, при помощи которых получают более точные сведения, что, в свою очередь, позволяет им создавать еще более совершенные модели. Сбор сведений есть, фактически, формирование аксиоматики дедуктивной теории, без которой нельзя не только построить модель, но и проверить достоверность суждений об объекте исследования. Например, тезис о том, что на плоскости через точку можно провести лишь одну прямую, параллельную другой прямой, является истинным в геометрии Евклида и ложным в геометрии Лобачевского.

Дедуктивная теория строится в направлении от аксиом к теоремам и производным теоремам. Она, как справедливо заметил Х. Ульдалл, должна отвечать требованиям внутренней непротиворечивости и независимости от опыта, то есть непротиворечиво описывать как исчисляемые, так и вычисляемые однородные объекты. Если теория не отвечает упомянутым требованиям, она должна либо уточняться, либо заменяться другой, более продуктивной – в этом суть развития науки. Однако даже полная, непротиворечивая и содержащая независимые аксиомы дедуктивная теория не в состоянии защитить от противоречий, возникающих при смешении теории и метатеории – чрезвычайно острой проблемы для математики и лингвистики, где совпадают объект и инструмент исследования. Эту проблему призвана решить *формализованная теория*, в которой «не только свойства элементарных понятий заданы точным аксиоматическим способом, но и точно определен также язык теории».

Среди лингвистов первым, кто осознал необходимость создания дедуктивной теории языка, был Ф. де Соссюр. Определив фонему как различительную и оппозитивную сущность, он смог отделить язык от речи и разработать знаковую теорию языка, блестящим подтверждением которой стало открытие Е. Куриловичем в 1927 году хеттской сонантической фонемы, вычисленной Соссюром в 1878 году при анализе ин-

доевропейской вокалической системы. Вклад Соссюра в лингвистику сопоставим с вкладом Коперника в астрономию, рассчитавшим движение планет Солнечной системы так, что в последствии по искривлениям траекторий движения известных планет удалось открыть неизвестные. Словами Соссюра о том, что «язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» в лингвистике завершается период сбора данных и начинается этап формирования дедуктивной теории.

Знак – двuasпектная единица, имеющая в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – повторяющийся элемент представления или понятие. Фигура – это абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графема) или жестов (кинема), обладающих сходными акустическими или оптическими признаками. Поскольку фигура – абстрактная сущность, то аспект выражения знака есть абстрактная сущность; поскольку аспект выражения и аспект содержания знака – абстрактные сущности, то знак в целом есть абстрактная сущность. Если знак – абстрактная сущность, то и язык как система знаков – тоже абстрактная сущность. Следовательно, общаться с помощью такого языка можно лишь телепатически. Для того, чтобы состоялась коммуникация, язык необходимо соединить с материальным носителем, который бы, во-первых, распознавался органами чувств и, во-вторых, вызывал в психике коммуникаторов ассоциированные с понятиями образы. Роль такого материального носителя знака (его, так сказать, «тела») в устной речи выполняет звуковая волна, в письменной – черта, во «внутренней речи», по-видимому, – нейронная сеть. В качестве материального носителя может использоваться световая, электромагнитная или какая-либо другая волна. Наличие различных форм речи свидетельствует о том, что с понятием способен соотноситься не только акустический или оптический образ, но даже тактильный (как в азбуке слепых). Теоретически к соединению с понятием пригоден любой образ, создаваемый тем или иным органом чувств. Ограничение одно – разрешающая способность рецепторов, поэтому человек предпочитает опираться на зрение и слух. Если оптический образ соотносится с понятием через акустический, то порождается *фонетический* письменный знак ($|c| + |t| + |o| + |l| = |стол|$); если оптический образ соотносится с понятием, минуя акустический, то порождается *иероглифический* письменный знак (иероглиф 我, обозначающий личное местоимение «я», в пекинском диалекте читается $|wo|$, в мейсяньском – $|nai|$). Сказанное в равной мере касается тактильного или иного образа. Как происходит соединение языка с материальным носителем, как человеческому интеллекту удается обобщать звуки, черты или жесты и порождать образы звуков (фонемы), черт (графемы) или жестов (кинемы), как идеальному удается соединиться с материальным – ответы на эти вопросы современная наука не в состоянии дать.

Очевидно одно: материальный носитель вызывает в психике говорящих акустические или оптические образы, которые ассоциируются с понятиями об индивидах либо по внешнему с ними сходству, либо по смежности. Например, *Петухи уже прокукарекали* (звукосимволизм) и *У него в столе лежал наган* (метонимия). Немотивированность знака, о которой писал Соссюр, следует понимать как потерю мотивированности. При таком подходе триаду знаков Ч. Пирса (знаки-символы, знаки-индексы, иконические знаки) можно свести к знакам-символам. Именно такие знаки рассматривал Соссюр. Только звуковые волны — это не речь. Речью они станут лишь в том случае, когда за ними будет стоять система фигур и знаков, т.е. языковая система. Технические агрегаты тоже издают определенные звуки, но эти звуки речью не являются и изучаются не лингвистикой, а таким разделом физики как акустика. Лингвистов интересуют не все звуки, а лишь те, акустические образы которых ассоциированы с понятиями. Фонетисты вынуждены изучать дифференциальные признаки звуков, например, для их правильной артикуляции, для того, чтобы произносимые звуки эффективно вызвали ассоциированные с понятиями акустические образы, но сами дифференциальные признаки (длина волны, тон, тембр и т.д.) лежат за пределами лингвистики и составляют предмет исследования акустики.

Отсюда следует, что язык, организуя знания в психике коммуникаторов, выполняет *когнитивную* функцию, а речь (язык в соединении с материальным носителем) — *коммуникативную*. Другими словами, с помощью языка говорящие управляют знаниями, а с помощью речи — передают их. Противопоставление этих двух функций определяет дихотомию языка и речи в терминологии Ф. де Соссюра и если лингвист ее признает, то он должен стремиться к как можно более строгому и точному проведению дихотомии на различных уровнях лингвистического анализа. Итак, язык — это система фигур и знаков для представления и преобразования знания, речь — соединение языка с материальным носителем для хранения, обработки и передачи знания.

И. В. Мицкевич

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (на материалах немецкого языка)

Гендерные различия можно искать не только на биологическом и социо-культурном уровнях, но и в речевом поведении. Исследователи первого направления опираются на генетические различия, поло-